

Михаил ‘g.A.Mauzer’ ТОКМАКОВ (г.Новокузнецк Кемеровской обл.) **СНЕГ**

— Питер Пэн! — воскликнул находящийся где-то вне поля зрения напарник.

«Че-его?!» — удивился про себя Андрей, судорожно шаря взглядом по лежавшему перед ним пейзажу.

Через единственное квадратное окошко, врезанное в броню робота, было видно не так уж много. Прямо за перекрестием прицела находилось большое красно-коричневое деревянное здание типа амбара с широкими воротами, выстроенное в стиле Дикого Запада (по крайней мере, Андрею так показалось). Ворота выходили в небольшой полукруглый загон, огороженный низким заборчиком. В этом загоне на красном песке лежали лицами вниз два абсолютно одинаковых человека: коротко стриженные тощие мужчины в белых офисных рубашках с короткими рукавами и чёрных брюках. Эти двое лежали рядом друг с другом, Андрею сперва показалось, что в обнимку, но затем, приглядевшись, он увидел, что левая рука одного из мужчин просто срастается с правой рукой второго. Фоном для этого «натюрморта» служили весёленькие зелёные холмы, плавно переходящие в столь же пасторально-голубое небо.

— Звездец.

Неожиданно прямо из-за стоявших близким горизонтом холмов выскочил ярко-жёлтый двухмоторный истребитель. Андрей навёл на самолёт перекрестие и нажал кнопку огня, но пара ракет устремилась не в цель, а к лежащим на земле сиамским близнецам и разорвала их в клочья. Истребитель, поблёскивая винтами, скрылся из поля зрения, зато высоко в небе показался тёмно-зелёный четырёхмоторный бомбардировщик. Узнав в новоявленном противнике американский Б-29, парень машинально перевёл взгляд на индикатор «здоровья»: вертикальная шкала горела красным и показывала двенадцать процентов в остатке.

«Вот так. Вот сейчас сдохну здесь, и хрен кто потом разберёт, причём тут был Питер Пэн», — мрачно думал Андрей, глядя, как самолёт медленно выползает за верхний край окошка.

Потом заиграла резкая мелодия, и картинка погасла.

Андрей машинальным движением схватил телефон, выключил режущую слух музыку и только после этого разлепил один глаз и посмотрел на светящийся экранчик.

Пять ноль ноль утра. Вставать, вставать, вставать...

— Приснится же такая хрень, просте хосспаде... — устало протянул он, протирая слезящиеся глаза. Затем, глянув на оранжевое небо, парень вздохнул и принялся складывать плед. Завершив с немалым трудом эту операцию, Андрей подошёл к окну, чтобы убедиться, и глубоко вздохнул ещё раз.

За стеклом медленно падали вниз снежные хлопья. И падали, видно, уже довольно

долго, потому что газоны и машины успели скрыться под толстыми белыми шапками.

Конечно, снег в апреле — далеко не редкость, но сейчас была настоящая метель. Ещё раз посмотрев на какие-то зловеще-персиковые, от городских отсветов, облака, Андрей апатично заявил:

— Я ужасно люблю свою работу...

Каждый рабочий день Андрея начинался точно так же, как и тысяча предыдущих.

Вот и сейчас, вывалив в банку ту часть приготовленного с вечера «блюда дня», которой предстояло стать обедом, парень поставил кастрюлю с остатками на плиту, а сам отправился умываться. Чистя зубы, он, как и всегда, напевал цоевскую «Мы ждем перемен»; умывшись привычно бросил своему зеркальному двойнику «ну и рожа у тебя»; позавтракав помыл тарелку и поставил её в ту же ячейку посудницы, откуда взял. Оглянувшись, он посмотрел на часы: пять тридцать. Как всегда.

Пока ещё было время, он без особого энтузиазма сделал несколько гимнастических упражнений и, облачившись в давно не стираный «костюм цивилианина», состоявший из простого серого свитера и чёрных джинсов, ровно без десяти шесть (естественно, как и всегда) выбежал из подъезда.

«Выбежал» буквально: до нужной ему остановки было с километр, а времени оставалось всего десять («девять» — по обыкновению уточнил он, на ходу выхватив телефон из кармана) минут. Ещё в школе Андрей был неплохим атлетом, и необходимость перемещаться бегом обычно не вызывала у него затруднений.

Но сейчас затруднения чувствовались — и причиной их был снег. Толстый слой белого пуха прятал под собой заросшие тонкой корочкой льда глубокие лужи, а висящая в воздухе снежная пелена налипала на ресницах и лезла в глаза, мешая смотреть. Перескакивая через полные грязной воды выбоины, Андрей не переставал отпускать сочные комментарии по поводу асфальта, погоды, незаметных в темноте голых веток, скрытой за облаками луны и лиц, ответственных за вышеперечисленное.

Он влетел в закрывающиеся двери автобуса, когда тот уже начал отъезжать от остановки. Отпыхиваясь, Андрей ощутил на себе пристальный взгляд.

— Сейчас, секунду... — сделав успокаивающий жест, он полез в карман за деньгами. «Молнию» заклинило. — Чёр-това финтифлюшка!

Глядя на то, как парень борется с застёжкой, кондуктор покачала головой и хотела было пройти мимо, но тут раздалось торжествующее «Ага!» и из недр кармана явилась помятая десятка. Кондуктор покачала головой ещё раз.

— Чтой-эт ты так запыхался, — пробубнила она, отрывая билет и, не дожидаясь ответа, продолжила путь по забитому битком автобусу. — Билетики сохраняем, на линии контроль!

Махнув рукой, парень повернулся к окну и упёрся лбом в холодное стекло. Хлопья всё сыпали и сыпали.

— Снег, — негромко сказал Андрей, указывая взглядом на серую пелену. — Чёртов снег...

Из динамиков молочным потоком текла какая-то лёгкая электронщина. Юля, порхая в

такт бодрой мелодии, извлекала вещи из шкафа и аккуратно укладывала их в чемодан.

Сегодня был большой день. Сначала ей предстояло заехать в агентство и взять бумаги для встречи с клиентом. На полдень была назначена ещё одна встреча — уже в кафе на другом конце города. Затем Юле нужно было вернуть документы в офис, успеть загнать машину на стоянку, заехать домой за вещами и вечером сесть в самолёт до Берлина. Определённо, это был большой день, и любое опоздание было смерти подобно.

Но Юля нисколько не переживала по поводу времени — она умела распределять его так, чтобы успевать везде. Иногда — сразу везде, потому что иногда нужно было успевать и везде сразу.

Кто бы что ни говорил, быть успешной — нелегко. Особенно, когда каждый день преподносит что-нибудь новенькое, не давая почвы для привычек.

Но по мнению девушки, это было гораздо лучше навязавшей на зубах обыденности. Юля искренне ненавидела рутину: пресловутое «день за день, завтра, как вчера» классика; подавляющее мысли и чувства тупое однообразие. Она не понимала и боялась этого безмолвного и бестелесного существования, жадно поглощающего человеческое время и расплачивающегося за каждую порцию апатией. Юля не переносила это состояние, сторонилась любителей «стабильности» и занимала себя чем угодно, лишь бы не попасть в цепи «застоя».

По большей части, ей это удавалось.

Наконец, вещи были уложены. Юля поставила чемодан у дверей, накинула куртку и повернулась к зеркалу, критически оценивая свой облик: ухоженные чёрные волосы собраны в хвост, черты лица аккуратно выделены косметикой, под распахнутой курткой видны строгий деловой жакет и повязанный на манер галстука чёрный шёлковый платок.

— Мисс, а вы хороши... Ещё даже не начали стареть...

Удовлетворённая своим видом, девушка кивнула и вышла из квартиры, заперев за собой дверь.

Выйдя во двор, она смела щёткой образовавшуюся на машине шапку снега и уселась за руль. Заранее прогретый мотор «Форда» завёлся как часы; включив передачу, Юля нажала на газ — машина тронулась с пробуксовки.

— Проклятый снег! Быстрее, быстрее...

Погода — большая мастерица на неприятные шалости. Жутко холодный март сменился столь же неестественно тёплым — до пятнадцати градусов! — апрелем. Снег сошёл удивительно быстро (вообще, зима выдалась малоснежной), зимние одежды уступили место лёгким плащам и курткам, автомобилисты обули своих коней в летнюю резину...

И тут, откуда ни возьмись, двадцатого числа — снег. Ёлки-палки...

— Теперь всегда буду собирать чемоданы заранее!

Юля уже успела усомниться в своей способности грамотно распределять время. На самом деле, её расчёты были «с запасом», и она ещё никуда не опаздывала. Но её раздражало, что из-за снега, ещё висящего в воздухе и уже лежащего на асфальте, приходилось ехать с пониженной скоростью: иначе машина плохо слушалась руля и шла юзом при торможении. Временная «подушка безопасности» от этого становилась всё тоньше и тоньше.

А ещё мешали светофоры — понатыканные, по старой доброй традиции, в самых

неожиданных местах. Юлю бесила необходимость стоять по полминуты, когда каждая секунда была на счету.

Подъезжая к очередному перекрёстку, девушка увидела, как жёлтый сигнал сменяется зелёным. Мимо, не снижая скорости и дико сигналив, пронёсся какой-то лихач. Мысленно выругавшись, Юля нажала на газ.

— По-чёт-на... И завидна наша роль...

Бубня себе под нос старую песенку, Андрей — недавний студент-недоучка, а ныне дворник — кружил по стоянке с широкой лопатой-«бульдозером» и откидывал снег от бордюра. Он занимался этим два часа кряду — уже успело рассвети — но результата не было видно: его снова скрыл под собой продолжающий падать снег. Андрея это мало расстраивало, ведь в снежную погоду так было всегда.

Достав из недр своего рабочего «костюма бомжа» телефон, парень посмотрел на часы — была половина десятого. Спрятав мобильник, Андрей продолжил работу, изредка поглядывая в сторону дороги. Пару минут спустя, натужно завывая мотором и клаксоном одновременно, промчалась какая-то длинная чёрная иномарка. Все те годы, которые Андрей работал дворником, старая «японка» пролетала этот перекрёсток примерно в одно и то же время. По старой привычке, парень вскинул руку в шутливом приветствии:

— Михаэлис! Влепись в трамвай! Будь крут!

Естественно, что водитель никак не отреагировал на брошенное ему предложение, да и мчась на такой скорости вряд ли даже заметил непонятого субъекта в неброском засаленном бушлате. Махнув рукой, Андрей отвернулся, отталкивая очередную порцию снега.

И неожиданно услышал звук удара.

— Неужели вцепился? — сказал парень, снова разворачиваясь лицом к трассе.

Стоянка представляла собой очень пологий склон, спускающийся к дороге, и получалось, что Андрей стоял на небольшом возвышении, метрах в тридцати от проезжей части. Отсюда ему была хорошо видна случившаяся маленькая трагедия: тормозящий с юзом красный «Форд» и отлетевший на разделительную полосу человек в белой куртке и чёрных штанах.

Рядом со сбитым пешеходом остановилась какая-то синяя легковушка. Андрей, хотевший было бросить лопату и попытаться чем-нибудь помочь, махнул рукой:

— Разберутся сами... Оу-у, ясно, — добавил он, когда из мигающего аварийными огнями «Форда» выскочила длинноволосая девица.

Она что-то сжимала в руках — похоже, аптечку — но помощь лежащему лицом вниз человеку была уже не нужна: под его головой уже образовалась лужа густо-красной крови, очень яркая, на фоне снега.

— Вот так, вот так... — обращаясь к невидимым слушателям, начал Андрей. — Какие тут бомбардировщики с истребителями? Выйдешь вот так вот на любую случайную улицу, и останешься лежать на асфальте, как этот Питер Пэн, с раскроенной башкой. И неважно, сколько у тебя было процентов «здоровья»: двенадцать или сто... Так что какая, к чёрту, разница?

Махнув ещё раз рукой, парень продолжил свою монотонную работу, даже не интересуясь, чем закончится происшествие.

— Алло, тут у нас ДТП, на перекрёстке около «Сити-Тауэр», — заговорил в трубку Николай, оглядываясь в поисках уличных указателей. — Нет, со стороны Нестерова... Тут погибший. Да сто процентов... Хорошо, ждём.

Пока они стояли на середине дороги, их самих уже чуть не сшибли. Девушка с трудом сдерживала истерику:

— Что теперь будет...

— Так что же ты не смотрела?! — в сердцах воскликнул водитель «девятки». Ему было жаль девицу.

— Но пешеходам же горел красный! А он в белой куртке ещё... Я не заметила, я не поняла даже! Он прямо под колёса упал!

— Чёртов снег... — безнадежно выдохнул Николай, набирая номер полиции.

— Вот такая история... — пожал плечами Игорь. — Я впервые услышал её от Юлии несколько дней спустя. Этот парень, которого она сбила, как оказалось, опаздывал на работу — вот и побежал на красный. Продавец-консультант... Им и так копейки платят, а тут, видно, побоялся, что штрафанут или уволят. В общем, её вины в этом не нашли — ни скоростной режим, ни правила она не нарушала, дело закрыли «за отсутствием состава». Она, однако, всё равно считала себя виноватой и за руль больше не садилась...

Писатель сделал небольшую паузу, пока журналистка строчила в своём блокноте.

— А потом, спустя несколько лет, я встретил Андрея. Он так и работал в «Сити-Тауэр» и — это было заметно — уже начал спиваться. Поговорили как-то накоротке: хоть и одноклассники бывшие, но — столько лет... Да и он стыдился себя... Я спросил, почему он хотя бы не попытался ещё раз, он сказал: «Да после одного случая»... И рассказал про эту же самую аварию! В школе он пробовал ухаживать за Юлей. А когда я ему сказал, что это она тогда была за рулём «Форда», только усмехнулся мрачно и махнул рукой. Больше я его никогда не видел. Говорили — тоже пьяный попал под машину.

Закончив писать, Инга пробежалась глазами по свежим строчкам, а затем недоумённо посмотрела на Игоря.

— Я... Не совсем поняла, в чём мораль.

— Ну как же? — улыбнулся Игорь. — Смотрите: два человека, совершенно разных. И судьбы им предрекали столь же разные. Андрей в своё время мечтал стать авиаконструктором — и что? Недобрал буквально пару баллов на экзамене, психанул, плюнул и закончил пьянчугой-дворником. Юлию все считали обычной вертихвосткой, а получилась великолепная художница, основоположница техно-мортализма. Мы, кстати сказать, вместе работали над «Сингулярностью»: я писал сценарий, а она работала над декорациями и спецэффектами... То есть, — поспешно продолжил Игорь, предупреждая уточняющий вопрос журналистки, — я хочу сказать: нет судьбы. Есть наши чаяния и попытки, есть случайности, путающие нам карты, но судьбы нет. И все эти попытки её предсказать — пустое сотрясение воздуха.

— И эта мысль и подвигла вас на работу над «Нитями»?

— Совершенно верно. А эпизод аварии, показанной с точки зрения «серого человечка»-ларёчника, был в «Коэффициенте случайности»...

— Во-от... — многозначительно протянул жгутовщик, отодвигая лупу. Изображение в приборе медленно угасло. — Лёгким движением руки школьный учитель превращается в знаменитого писателя...

Молодые прядильщики явно были удивлены. Особенно Моир: его единственный глаз настолько выпучился, что казалось, будто он сейчас лопнет, оставив на тонкой синей шее только пустой кожаный пузырь век. Жгутовщик, наблюдая за их реакцией, не скрывал довольной ухмылки.

— Теперь вы понимаете, в нашей работе не может быть мелочей? А всего-то делов в этой маленькой штучке... — с этими словами мастер указал на маленький блестящий кристалл, вплетённый в один из мудрёных узлов жгута. — А ведь вставь её в правильное место — и можно хоть всю историю второй мировой переписать. А вы говорите: «просто снег, просто снег»... Ну да ладно. На сегодня, пожалуй, хватит фокусов...

Закивав, прядильщики вернулись к работе: до конца смены им нужно было успеть сплести ещё три тысячи судеб.